



## ВОСПОМИНАНІЯ О ТУРЕЦКОЙ ВОЙНѢ.

(Продолженіе <sup>1)</sup>).

### VII.

Поѣздка парламентаремъ въ кр. Варну и Шумлу. — Вторая поѣздка въ Варну. — Командировка въ Силистрію и Бухарестъ.



Въ Варну были посланы: исправляющій должность начальника штаба 17-й пѣхотной дивизіи полковникъ Повало-Швейковскій, и и ординарецъ корпуснаго командира, Елисаветградскаго гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ Красовскій.

Цѣль нашего отправленія состояла въ томъ, чтобы извѣстить принца Гасана, командующаго войсками въ Варнѣ, о перемиріи и условиться о проведеніи демаркаціонной линіи нашего корпуса съ египетскимъ.

Собравшись къ отъѣзду за ночь, въ 5 часовъ утра, 23-го числа, мы выступили въ сопровожденіи конвоя изъ одной сотни казаковъ.

Отъ д. Баладжи, гдѣ мы прихватили еще нѣсколько человѣкъ драгунъ и гусаръ, мы отъѣхали верстъ 10, никого не встрѣчая.

<sup>1)</sup> См. «Военный Сборникъ» 1908 г., № 9.

Наконецъ, передъ нами показались непріятельскіе передовые посты: это были арабы. Передовой наблюдательный пикетъ, стоявшій на дорогѣ, замѣтивъ наше приближеніе, началъ отступать на линію постовъ. Подпустивъ насъ версты на 1½ и замѣтивъ нашъ бѣлый флагъ, арабы выслали къ намъ разъѣздъ тоже съ бѣлымъ флагомъ. Остановивъ конвой, мы выѣхали навстрѣчу непріятельскому разъѣзду, который съ восторгомъ принялъ извѣстіе о перемиріи. Вслѣдъ затѣмъ, подъѣхали къ намъ еще нѣсколько арабовъ и въ томъ числѣ командиръ эскадрона, содержавшаго передовые посты. Восторгъ и радостіе египтянъ были неописанны. «Барышикъ олду» (миръ заключенъ) радостно звучало въ устахъ каждаго. Оно и понятно. Сильно назябшіеся и претерпѣвшіе всякія невзгоды за послѣднюю зиму, арабы крайне были довольны перемирію, подающему имъ надежду скорого возвращенія домой, въ страну, гдѣ не бываетъ снѣга.

Прибывшій эскадронный командиръ (маіоръ Абдуль-Рафаръ) далъ знать въ свои войска о нашемъ пріѣздѣ и просилъ насъ нѣкоторое время обождать. Часъ спустя, мы отправились дальше, пройдя сквозь линію передовыхъ постовъ. Я имѣлъ нѣсколько разъ случай замѣтить и раньше, что арабы выставляютъ пѣхотную цѣпь передовыхъ постовъ, придавая къ ней небольшое число кавалеріи. То же самое мы увидѣли и теперь: пѣхотная цѣпь постовъ, прічемъ посты выставлены весьма часто. На нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣется по нѣсколько кавалеристовъ. За цѣпью же не въ далекомъ разстояніи расположены кавалерійскія части, всегда готовыя явиться на линію постовъ въ случаѣ надобности. Весьма интересно условіе въ принятомъ въ египетской арміи порядкѣ отбыванія аванпостной службы: части, разъ назначенныя на аванпосты, остаются на этой службѣ безсмѣнно, такъ, напримѣръ, Абдуль-Рафаръ со своимъ эскадрономъ уже три мѣсяца проводитъ на аванпостахъ. Кромѣ того, къ частямъ, назначаемымъ на аванпосты, прикомандировываются особые офицеры генеральнаго штаба, которые, такимъ образомъ, тоже остаются безсмѣнно на этой службѣ. Обязанность ихъ состоитъ въ управленіи всею развѣдывательною службою, въ собираніи свѣдѣній о противникѣ и въ составленіи изъ всего этого заключеній, о которыхъ они и доносятъ. При условіи несмѣняемости, это дѣло можетъ быть ведено успѣшно.

Пройдя линію постовъ, мы отѣхали отъ нихъ очень недалеко, какъ вдругъ вправо отъ насъ послышалось нѣсколько выстрѣловъ, а вслѣдъ затѣмъ завязалась довольно оживленная перестрѣлка,

причемъ мы увидали около двухъ эскадроновъ египетской кавалеріи. Хотя нѣсколько пуль и просвистало мимо насъ, тѣмъ не менѣе было ясно, что огонь былъ направленъ въ противоположную сторону. Не трудно было догадаться въ чемъ дѣло: по расчету времени, кавалерія наша, посланная въ Праводы, должна была уже возвращаться. И дѣйствительно, кавалерійская бригада, исполнивъ возложенное на нее въ Праводахъ (взорвала четыре желѣзно-дорожныхъ моста, сожгла станцію и нѣсколько магазиновъ съ зерномъ, захватила плѣнныхъ), не получивъ еще посланнаго ей извѣстія о перемиріи, возвращалась обратно и, встрѣтивъ египетскую кавалерію, завязала было съ ней дѣло.

Наше положеніе было нѣсколько неловкимъ: съ одной стороны мы являемъ съ бѣлымъ флагомъ, съ другой—наша кавалерія завязываетъ дѣло. Однако маіоръ Абдуль-Рафаръ, выслушавъ наше объясненіе случившемуся, сейчасъ же принялъ мѣры къ прекращенію огня; мы же, съ своей стороны, отправили офицера съ бѣлымъ флагомъ оповѣстить нашу кавалерію о перемиріи. Сдѣлавъ эти распоряженія, мы продолжали нашъ путь. По дорогѣ насъ встрѣчали почетные караулы. Два эскадрона, находившіеся въ д. Дербентъ-кіой, гдѣ расположенъ былъ авангардъ египетскаго корпуса, прискакали на дорогу и выстроились вдоль послѣдней для встрѣчи.

Поровнявшись съ д. Дербентъ-кіой, мы увидали позицію авангарда египетскаго корпуса.

Открытый холмъ съ пологимъ скатомъ на западъ, составляющій названную позицію, прикрытъ съ фронта и съ праваго фланга оврагомъ съ удобовосходимыми скатами. Передъ фронтомъ позиціи, въ оврагѣ лежитъ сел. Дербентъ-Кіой, въ центрѣ позиціи была расположена батарея, ближе къ правому флангу имѣлся редутъ съ двумя орудіями въ исходящихъ углахъ. Позиція эта невольно обратила на себя наше вниманіе. Она представлялась неудовлетворительною въ тактическомъ отношеніи: почти съ трехъ сторонъ охватывалась гребнемъ высотъ, служившихъ прекрасными позиціями для батарей атакующаго. Къ правому ея флангу весьма близко подходилъ обширный лѣсъ; передъ фронтомъ на гребнѣ высотъ была расположена небольшая роща, тоже способствующая наступающему. Надо думать, что, въ случаѣ наступленія нашихъ войскъ, авангардъ египетскаго корпуса не могъ бы долго держаться на указанной позиціи.

Миновавъ названную позицію, мимо которой насъ, конечно, провели рысью, мы продолжали наше слѣдованіе. Мѣстность мало

по малу начинала принимать все болѣе и болѣе всхолмленный характеръ.

Версты три пройдя д. Дербентъ-Кіюй, мы поднялись на высокій переваль, и тутъ намъ представилась дивная картина. Передъ нами высокіе холмы круто и неправильно спускались въ широкую низменную долину. Дорога, извиваясь то вправо, то влѣво, постепенно спускалась, слѣдуя направленію самыхъ разнообразныхъ скатовъ общаго уступа, взѣрошеннаго мелкимъ терновникомъ. Внизу разстилалась плоская низменность, на которой разсѣялось нѣсколько поселковъ и групп отдѣльныхъ деревъ. Влѣво отъ насъ открылось море, уходящее въ безконечную даль. Нѣсколько кораблей беспорядочно разбросано на матовой синевѣ его. На берегу моря виднѣлась Варна.

У Варны море врѣзывается въ материкъ длиннымъ и узкимъ языкомъ, образующимъ Дѣвнское озеро, свѣтлая полоса котораго блестяла теперь передъ нами въ глубинѣ картины. За озеромъ красовался противоположный уступъ, ограничивающій варнинскую долину съ юга. Высоты этого края долины, громоздясь другъ на другъ, значительно поднимаются надъ горизонтомъ и оканчиваются множествомъ разнообразныхъ вершинокъ, легко рисовавшихся на блѣдно-голубомъ фонѣ. Нѣсколько небольшихъ лагерей, стада барановъ, кое-гдѣ вяло тянушіеся колесные и вьючные обозы, все это дополняло картину.

Не успѣли мы еще спуститься въ долину, какъ насъ встрѣтилъ полковникъ генеральнаго штаба египетскаго корпуса Мекельнъ (австріецъ родомъ). Однако, пріятная бесѣда эта становилась все болѣе и болѣе невыносимой, благодаря тому, во-первыхъ, что мы были невыразимо голодны; во-вторыхъ, потому, что, уже назаяблись въ дорогъ, оставаться на сильномъ вѣтру было далеко не утѣшительно. Привезенные по распоряженію полковника Мекельна мандарины, яблоки, каштаны не могли смягчить постоянно возрастающей злобы, естественно вызванной холодомъ, пронизывавшимъ насъ до костей и тѣмъ обстоятельствомъ, что бѣдные кони наши, сдѣлавъ уже версть 35 безъ корма, сильно понурили головы, имѣя въ перспективѣ еще 12 версть.

Отведя насъ въ высокіе кусты, полковникъ Мекельнъ просилъ здѣсь обождать, пока не придетъ разрѣшеніе ввести насъ въ крѣпость (до крѣпости оставалось еще версть 12). Слѣзши съ лошадей, мы разговорились съ полковникомъ Мекельномъ и другими подошедшими къ намъ офицерами.

Часа два спустя было получено разрѣшеніе ѣхать дальше, но безъ конвоя, который мы отравили въ д. Дербентъ-Кіюй, оставивъ при себѣ лишь двухъ трубачей, бѣлый флагъ и нашихъ вѣстовыхъ.

Проѣхавъ версты три до д. Хоземляра, мы опять были задержаны. Въ названной деревнѣ живетъ Османъ-паша, командующій авангардомъ египетскаго корпуса. Насъ пригласили зайти представиться Осману-пашѣ. Дѣло въ сущности очень просто: полковникъ Мекельнъ хотѣлъ лишь выиграть время, чтобы подвести насъ къ крѣпости вечеромъ, когда она будетъ прикрыта мракомъ ночи отъ нашихъ нескромныхъ взоровъ. Передъ домомъ Османа-паши мы были привѣтствованы почетнымъ карауломъ. Самъ Османъ-паша встрѣтилъ насъ у входа своего дома. Османъ живетъ очень просто, въ обыкновенной турецкой мазанкѣ, въ которой нельзя даже стоять во весь ростъ.

Принявъ у себя, хозяинъ прежде всего угостилъ насъ, по турецкому обычаю, чашкой кофе. Разговоръ черезъ переводчика съ Османомъ-пашей продолжался довольно долго. Османъ-паша уже пожилой, весьма любезный и радушный хозяинъ, повидимому, человекъ весьма добрый. Когда начало уже совершенно вечерѣть, мы поѣхали, наконецъ, дальше.

Послѣднія версты шесть мы прошли на рысяхъ. Полковникъ Мекельнъ очень ловко подвелъ насъ къ крѣпости. Идя на крупныхъ рысяхъ, мы круто осадили лошадей и перешли въ шагъ тогда уже, когда совершенно незамѣтно спустился подъ куртину бастионнаго фронта крѣпости. За крѣпостной оградой направо и налево показались бивачные огни.

Вѣхавъ въ Варну, мы долго тянулись узкими, скверно мощеными улицами восточнаго города, пока, наконецъ, не остановились передъ большимъ освѣщеннымъ домомъ, въ которомъ помѣщается принцъ Гассанъ.

Послѣ восьми мѣсяцевъ кампаніи, даже нѣсколько странно чувствуешь себя, войдя въ роскошно убранныя комнаты.

Пройдя большой биллиардный залъ, мы вошли въ кабинетъ принца.

Полковникъ Повало-Швейковскій доложилъ Гассану-пашѣ о цѣли нашего пріѣзда и передалъ письмо генерала Циммермана. Принцъ просилъ насъ присѣсть, предложилъ папирсъ и принялся читать письмо.

Принцу Гассану 24-й годъ. Онъ средняго роста, средней полноты, съ красивымъ, чрезвычайно пріятнымъ лицомъ и умнымъ вы-

раженіемъ глазъ. Получивъ образованіе за границей, онъ совершенно свободно и чисто говоритъ по-французски.

Во время чтенія письма намъ подали кофе. Послѣ непродолжительнаго разговора, изъ котораго мы узнали, что въ Варнѣ не было еще получено официальнаго увѣдомленія изъ Константинополя о перемиріи, принцъ Гассанъ пригласилъ насъ у него отобѣдать. Въ кабинетѣ мы оставались еще около получаса, разговаривая о разныхъ предметахъ, послѣ чего насъ просили къ столу.

Въ большой залѣ стоялъ прекрасно сервированный столъ. За обѣдомъ, по правую сторону принца Гассана былъ приглашенъ сѣсть полковникъ Повало-Швейковскій, по лѣвую я. Кромѣ насъ сѣдѣли за столомъ полковникъ Мекельнъ, шесть адъютантовъ принца и штабсъ-ротмистръ Красовскій. Адъютанты принца Гассана всѣ европейцы; между ними одинъ только арабъ, но и тотъ воспитывался въ Парижѣ и оставался долгое время за границей. Всѣ они, какъ оказалось потомъ, когда мы съ ними познакомились ближе, весьма образованные, веселые и любезные люди.

Тонкій французскій обѣдъ пришелся намъ, понятно, на этотъ разъ особенно по вкусу. Давно уже не случалось намъ такъ пообѣдать, какъ въ этотъ день. Только одно блюдо напомнило, что наши сотрапезники сидятъ въ красныхъ фескахъ,—пилавъ, поданный между жаркимъ и сладкимъ.

Во время обѣда, принцъ Гассанъ провозгласилъ тосты за здорье: Государя Императора, Августѣйшаго Главнокомандующаго, генерала Циммермана и доблестной русской арміи. Въ свою очередь, полковникъ Повало-Швейковскій отвѣчалъ на всѣ эти тосты. Обѣдъ продолжался довольно долго, послѣ чего мы вторично прошли въ кабинетъ, гдѣ былъ поданъ кофе.

Принцъ Гассанъ, вообще говоря, производитъ самое пріятное впечатлѣніе. Онъ держитъ себя съ большимъ достоинствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ высшей степени любезенъ, внимателенъ, обходителенъ.

Въ скоромъ времени мы были отпущены принцемъ и пришли внизъ, гдѣ помѣщаются его адъютанты. Здѣсь подали намъ опять-таки кофе, а вмѣстѣ съ тѣмъ принесли ликеры и шампанское. Вскорѣ мы отправились, въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ и полковника Мекельна, въ гостиницу «Варна», въ которой было отведено для насъ помѣщеніе. Въ первой комнатѣ названной гостиницы намъ представились ординары, унтеръ-офицеры изъ конвоя принца, по два къ каждому изъ насъ.

Къ нашимъ людямъ былъ приставленъ офицеръ, говорящій по-русски (изъ кавказскихъ уроженцевъ) и нѣсколько человекъ нижнихъ чиновъ.

Съ немалымъ удовольствіемъ легли мы въ этотъ вечеръ отдыхать, подъ лучшими впечатлѣніями дня и опять-таки потому, что давно уже не приходилось нѣжиться на мягкой теплой постели.

На другой день утромъ, къ намъ пришелъ полковникъ Мекельнъ и адъютантъ Гассана, которые, заставъ насъ за завтракомъ, присѣли тоже къ столу. Послѣ завтрака, продолжавшагося довольно долго, мы отправились въ баню, вытопленную для насъ по приказанію принца. Мнѣ въ первый разъ случилось видѣть восточную баню. Ея главное отличіе отъ нашей русской бани то, что въ послѣдней жаръ сырой, тогда какъ въ первой—сухой. Кромѣ того, постепенный переходъ изъ комнатъ теплыхъ въ послѣднюю, въ которой температура доведена до самой высокой степени. Первая комната бани, въ которую мы вошли, представляетъ собой большой и высокій круглый залъ. По срединѣ этого зала бьетъ фонтанъ. На хорахъ, имѣющихся въ залѣ, устроены мѣста для раздѣванія. Вообще, описанный предбанникъ представляетъ много затѣйливаго.

Внутри названной залы насъ встрѣтилъ почетный караулъ. Но это было еще ничего; было комичнѣе проходить мимо этого караула на обратномъ пути изъ бани въ предбанникъ, въ очень легкомъ костюмѣ, состоящемъ изъ одной простыни, и въ этомъ видѣ принимать отдаваемую честь.

Въ промежутокъ времени между баней и обѣдомъ мы представились принцу, такъ какъ на другой день должны были ѣхать обратно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлали визиты всѣмъ его адъютантамъ, пригласивъ ихъ въ этотъ день къ намъ отобѣдать. Къ 8-ми часамъ вечера всѣ эти господа съѣхались къ намъ въ гостиницу, въ парадной формѣ. Обѣдъ и веселая бесѣда затянулись до поздняго вечера, и только уже послѣ полуночи мы остались одни.

На слѣдующее утро, въ 8 часовъ, мы выѣхали изъ Варны. Съ нами вмѣстѣ поѣхали въ Базарджикъ полковникъ Мекельнъ и одинъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба египетскихъ войскъ, которые были посланы принцемъ Гассаномъ съ письмомъ къ генералу Циммерману; съ ними же мы должны были условиться относительно демаркаціонной линіи. Изъ Варны намъ предложили ѣхать въ экипажѣ, такъ что мы и отправились въ двухъ коляскахъ; каждую изъ нихъ сопровождали два конные унтеръ-офицера.

Выѣхавъ изъ Варны утромъ, я имѣлъ возможность замѣтить часть инженерныхъ сооруженій крѣпости. Городъ обнесенъ непрерывной оградой, состоящей изъ нѣсколькихъ бастіонныхъ фронтовъ. Профиль этой непрерывной ограды весьма незначительная. Валганга съ внутренней стороны крѣпости нѣтъ, а къ валу присыпанъ лишь высокій банкетъ. Ровъ узкій и неглубокій, сухой, съ каменнымъ эскарпомъ и контръ-эскарпомъ. Эскарповая одежда подымается до высоты мѣстнаго горизонта. Гласисъ къ ружейной оборонѣ не приспособленъ. Равелина передъ западнымъ фронтомъ крѣпости нѣтъ. Передъ смежнымъ фронтомъ, обращеннымъ къ сѣверу, былъ видѣнъ небольшой равелинъ, вынесенный къ подошвѣ гласиса. Куртина и фланки западнаго фронта приспособлены только къ одной ружейной оборонѣ. Правый бастіонъ вооруженъ всего двумя орудіями; лѣвый бастіонъ мнѣ былъ видѣнъ только со стороны поля, и я могъ замѣтить на сѣверномъ его фасѣ четыре амбразуры. Блокгаузовъ, оборонительныхъ казармъ и другихъ внутреннихъ сооруженій позади западнаго фронта не видно; также нѣтъ и траверсовъ вдоль крѣпостнаго вала.

Къ западу отъ крѣпости вынесены четыре передовыхъ укрѣпленія. Изъ нихъ три расположены на варнинской долигѣ, а одно на высотахъ, окаймляющихъ послѣднюю съ сѣвера. Въ числѣ первыхъ трехъ—лѣвое находится на берегу Дѣвинскаго озера, среднее—между нимъ и варно-хоземлярскимъ шоссе и крайнее—правѣе упомянутаго шоссе. Послѣднее имѣетъ видъ батареи и вооружено четырьмя мѣдными орудіями большого калибра. Два первыхъ представляютъ собою люнеты, въ которыхъ на обращенныхъ къ шоссе фасахъ были видны по двѣ амбразуры. Эти три форта имѣютъ профиль временныхъ укрѣпленій. Величина ихъ весьма незначительная. За каждымъ укрѣпленіемъ имѣется палаточный лагерь, палатокъ по шести, по восьми въ каждомъ (палатка человѣкъ на десять). Надъ амбразурами устроены туровые бонеты.

Что касается укрѣпленія, построенаго на высотахъ, то за отдаленностью его я не могъ уловить его характера. Издали оно представляется сомкнутымъ укрѣпленіемъ. Во всякомъ случаѣ, фортъ этотъ не находится подъ огнемъ съ крѣпостныхъ верховъ, и подступы къ нему, вѣроятно, могутъ быть обстрѣливаемы только со смежныхъ укрѣпленій, вынесенныхъ къ сѣверу отъ крѣпости. Захватъ же этого форта парализируетъ значеніе трехъ укрѣпленій, расположенныхъ въ долигѣ, такъ какъ дастъ возможность поражать ихъ фланговымъ огнемъ съ значительно командующихъ вы-



соть. Укрѣпленія, расположенныя впереди сѣвернаго фронта крѣпости, совершенно не были видны. Вообще говоря, западный фронтъ крѣпости Варны не производитъ особенно внушительнаго впечатлѣнія.

Къ вечеру мы вернулись обратно въ Базарджикъ.

Теперь остается еще сказать нѣсколько словъ объ египетскихъ войскахъ, которыхъ намъ довелось видѣть въ ихъ, такъ сказать, домашнемъ быту. Первое, что обращаетъ на себя вниманіе, это обмундированіе и снаряженіе египетскихъ войскъ. Я не преувеличу, если скажу, что солдаты одѣты щеголевато; это, конечно, должно удивлять, если вспомнить, что войска, которыя мы видимъ, уже около года проводятъ въ кампани. Красивые мундиры изъ весьма хорошаго голубого сукна поразительно свѣжи. Кромѣ того, въ обмундировкѣ египетскихъ войскъ замѣчается даже роскошь; это проявляется въ томъ, напримѣръ, что помимо шинели, изъ весьма доброкачественнаго темно-синяго сукна, каждый нижній чинъ имѣетъ еще непромокаемый гутаперчевый плащъ съ капюшономъ.

Все снаряженіе солдата весьма прочно и ново. Египетская пѣхота вооружена ружьями системы Ремингтона; кавалерія имѣетъ карабины той же системы, револьверы Кольта и сабли въ металлическихъ ножнахъ. Между строевыми кавалерійскими лошадьми находится довольно много очень хорошихъ арабскихъ жеребцовъ. Въ войскахъ можно было замѣтить присутствіе большого порядка и дисциплины. Что касается состава войскъ, то надо сказать, что сортъ людей по большей части мелкій. Арабскихъ офицеровъ, по сравненію съ турецкими, о которыхъ будетъ сказано дальше, надо поставить выше послѣднихъ.

Въ Базарджикѣ полковникъ Мекельнъ былъ принятъ генераломъ Циммерманомъ и оставался тамъ два дня.

27-го января полковникъ Повало-Швейковскій и я были посланы генераломъ Циммерманомъ въ крѣпость Шумлу съ тѣмъ же порученіемъ, съ которымъ ѣздили и въ Варну. Мы, конечно, очень рады были командировкѣ въ Шумлу; весьма интересовало насъ взглянуть на эту грозную и до сихъ поръ дѣвственную крѣпость.

Такъ какъ нашъ отъѣздъ совпадалъ съ выѣздомъ изъ Базарджика полковника Мекельна, то мы и отправились вмѣстѣ до Баладжи.

Въ Баладжѣ, гдѣ расположенъ нашъ авангардъ, полковникъ Мекельнъ былъ принятъ командиромъ 7-го гусарскаго Бѣлорусскаго полка, полковникомъ Лауницемъ. Послѣ завтрака, Мекельнъ

поѣхаль дальше въ коляскѣ, конвоируемый нашими гусарами; мы же продолжали свой путь уже верхомъ, въ сопровожденіи эскадрона Бѣлорусскихъ гусаръ и эскадрона Кинбурнскихъ драгунъ. Большой конвой въ этомъ случаѣ необходимъ былъ потому, что въ окрестностяхъ Шумлы бродили еще шайки башибузуконъ и черкесовъ, которыя, при маломъ конвоѣ, могли бы дать поводъ къ нарушенію перемирія.

На первую ночь мы остановились въ д. Сары-Герлы. Съ начала слѣдующаго перехода, намъ пришлось переходить сквозь аванпосты египетскихъ войскъ, причемъ арабы пожелали намъ отдать честь и съ этою цѣлью вызвали два эскадрона изъ д. Дербентской, которые, выстроившись вдоль пути нашего слѣдованія, встрѣтили насъ съ трубачами. Мы, въ свою очередь, отвѣчали имъ тѣмъ же, проведя дивизионъ справа по шести вдоль линіи фронта египетскихъ эскадрононъ, причемъ офицеры салютовали, а трубачи трубили «походъ». Возвѣщая во всѣхъ попутныхъ турецкихъ селахъ радостную вѣсть о перемиріи, мы дошли въ этотъ день до сел. Таушанъ-Козлуджи (10 верстъ отъ Ени-Базара), гдѣ остались на ночлегъ.

Регулярныя турецкія войска, расположенныя въ Ени-Базарѣ, получивъ отъ жителей извѣстіе о нашемъ движеніи, хотя и не имѣли еще официальнаго извѣстія о перемиріи, выслали часть своей кавалеріи, расположенной въ Ени-Базарѣ, къ Таушанъ-Козлуджѣ, для охраненія нашего расположенія отъ возможныхъ покушеній башибузуконъ и черкесовъ, которые, какъ оказалось впоследствии, въ довольно значительномъ числѣ находились въ окрестностяхъ этой деревни. Однако, части этой кавалеріи держались на такомъ разстояніи отъ нашихъ ночныхъ постовъ, что не были ими замѣнены.

На другой день, утромъ, только что мы вышли изъ деревни, какъ увидали турецкій разъѣздъ, который началъ было отъ насъ отходить. Опять мы остановили нашъ конвой, а сами направились къ непріятельскому разъѣзду.

Увидя наше приближеніе съ бѣлымъ флагомъ, разъѣздъ этотъ, поднявъ тоже бѣлый флагъ, повернулъ намъ навстрѣчу. Офицеръ, командовавшій разъѣздомъ, провелъ насъ версты двѣ по Ени-Базарскому шоссе, гдѣ просилъ обождать пріѣзда изъ Ени-Базара полковника, который насъ выслушаетъ.

Прибывшій въ скоромъ времени полковникъ предложилъ намъ оставить весь нашъ конвой въ лежащей тутъ же деревнѣ и отпра-

виться съ нимъ въ Ени-Базаръ. Оставивъ при себѣ, какъ и въ прошлый разъ, трубачей, флагъ и вѣстовыхъ, мы продолжали путь. Съ нами поѣхалъ, кромѣ того, Бѣлорусскаго гусарскаго полка ротмистръ Визировъ, знающій турецкій языкъ. Попадавшіеся намъ по дорогѣ части войскъ отдавали честь. Въ Ени-Базарѣ мы приглашены были къ полковнику, командующему войсками, расположенными въ этомъ пунктѣ (въ Ени-Базарѣ, судя потому, что мы видѣли, находилось около бригады пѣхоты). У воротъ дома, занимаемаго полковникомъ, насъ встрѣтилъ, подобно тому какъ и у Османа-паши, въ Хоземлярѣ, почетный караулъ.

Полковникъ Махмудъ-бей, принявъ насъ очень любезно, сообщилъ въ Шумлу, по телеграфу, о нашемъ прїѣздѣ и просилъ ожидать у него до полученія отвѣта. Однако, отвѣтъ этотъ прибылъ только черезъ четыре часа времени, въ продолженіи которыхъ мы оставались у Махмудъ-бея, предложившаго намъ, кромѣ обычной чашки кофе, завтракъ, весьма неприветливый и сервированный по турецки. Завтракъ этотъ состоялъ изъ бараньяго супу, который мы хлебали деревянными ложками изъ общей кострюли, яичницы съ бараниной, бараньяго шашлыка и рису; все это надо было ѣсть ложкой и руками, за неимѣніемъ ножей и вилокъ. Уже начало смеркаться, когда мы отправились дальше, въ сопровожденіи турецкаго конвоя и полковника Изеть-бея, начальника передовыхъ постовъ, назначеннаго сопутствовать намъ въ Шумлу.

Отѣхавъ верстъ семь отъ Ени-Базара до желѣзно-дорожной станціи Коспиджонъ, на которой расположено довольно значительное количество пѣхоты, мы опять должны были остановиться. Полковникъ Изеть-бей заявилъ намъ, что дальше можно ѣхать не иначе, какъ въ коляскѣ и только лишь по наступленіи совершенной темноты, въ ожиданіи которой онъ насъ пригласилъ зайти къ нему на квартиру. Сумерки не заставили насъ долго ждать. Выпивъ чашку кофе и проведя у полковника около получаса, мы сѣли вмѣстѣ съ нимъ въ приготовленную коляску и, такимъ образомъ, продолжали наше путешествіе въ Шумлу, до которой оставалось еще верстъ 11.

Подѣзжая къ крѣпости, мы должны были, по просьбѣ полковника, поднять верхъ коляски. Только въ 10 часовъ вечера мы въѣхали въ городъ и вскорѣ остановились у большого дома, передъ которымъ гремѣлъ хоръ военной музыки и собралась большая толпа народа. Въ названномъ домѣ помѣщался Фазли-паша, главнокомандующій дунайскою арміею. Въ кабинетѣ Фазли-паши мы за-

стали, кромѣ него, еще двухъ пашей, командующихъ дивизіями. Сели-пашу и Мустафу-пашу, начальника штаба шумлинскихъ войскъ Гусени-пашу, одного изъ нашихъ полковниковъ генеральнаго штаба, присланнаго въ тотъ же день княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ изъ Русскаго отряда, и еще одного изъ нашихъ офицеровъ, ротмистра Чугуевского уланскаго полка Главацкаго, взятаго турками въ плѣнъ нѣсколько дней тому назадъ, во время производнаго рекогносцировки. Фазли-паша, высокій, плотный мужчина, лѣтъ 45-ти, съ весьма добрымъ выраженіемъ лица и, какъ оказалось потомъ, человѣкъ весьма веселаго характера, принялъ насъ очень пріятливо, пригласилъ сѣсть и предложилъ рюмку водки. Въ комнатѣ былъ накрытъ небольшой столъ, уставленный закусками; на столѣ стояли два графинчика, одинъ съ водкой, другой съ коньякомъ. Мы съ удовольствіемъ выпили рюмку водки и закусили послѣ продолжительнаго путешествія. Едва успѣли мы проглотить первую рюмку водки, какъ паша предложилъ намъ повторить. Затѣмъ водка была оставлена въ сторонѣ, и мы, волей неволей, должны были перейти къ коньяку. Отказываться у Фазли-паши нельзя, тѣмъ болѣе, что онъ всякій разъ не забывалъ себя и обязательно чокался съ каждымъ.

Проведя такимъ образомъ около часу времени, Фазли-паша насъ пригласилъ ужинать. За столъ сѣло все общество, находившееся въ кабинетѣ, кромѣ Гусени-паши. Ужинъ состоялъ изъ многихъ блюдъ полутурецкой, полоевропейской кухни. За столомъ служили два полковника и адъютанты Фазли-паши. Послѣ супа, Фазли-паша потребовалъ шампанскаго. Наливъ всѣмъ по стакану, онъ предложилъ тостъ за здоровье Государя Императора; слѣдующій стаканъ былъ выпитъ за здоровье Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго и всей русской арміи. Затѣмъ, вино полилось непрерывной струей, и одинъ стаканъ осушался за другимъ; много разъ въ продолженіи длиннаго ужина повелительно раздавалось «шампане гетюръ», и каждый разъ появлялась новая бутылка. Окончивъ, наконецъ, ужинъ, мы перешли обратно въ кабинетъ гостепріимнаго паши.

Постели наши были приготовлены въ томъ же домѣ. На другой день, рано утромъ, когда мы были еще не одѣты, къ намъ въ комнату вошелъ Фазли-паша осведомиться, хорошо ли мы отдохнули и пригласилъ насъ ѣхать посмотрѣть госпиталь.

Городъ Шумла имѣетъ видъ общій всѣмъ турецкимъ городамъ. Узкія грязныя улицы, небольшіе каменные дома, соединенные ка-

менными стѣнками; между ними возвышаются только мечети и казармы, на площадяхъ валяется падалъ. На этотъ разъ улицы были переполнены черкесами и другимъ народомъ сбѣжавшимся въ крѣпость со всѣхъ сторонъ со своимъ имуществомъ, арбами, волами, стадами барановъ и всякой домашней птицей.

Пока мы проѣзжали въ госпиталь, за нами слѣдовала большая толпа любопытныхъ. Госпиталь помѣщается въ чрезвычайно большомъ зданіи, имѣющемъ внутри большой дворъ. Госпитальныя палаты, различной величины, начиная съ большихъ, кроватей на 100, и кончая малыми, всего на нѣсколько мѣстъ. Госпиталь этотъ прежде всего поражаетъ чрезвычайной чистотой воздуха, которую не вездѣ можно найти въ военныхъ госпиталяхъ. Затѣмъ, бросается въ глаза богатство госпитальныхъ вещей и замѣчательная чистота въ содержаніи больныхъ. Каждая кровать снабжена двумя подушками и теплымъ одѣяломъ съ подшитой къ нему чистой и довольно тонкой простыней. Бѣлье на больныхъ чистое и хорошаго достоинства, раны тщательно перевязаны; вообще, во всемъ госпиталѣ замѣчается совершенное отсутствіе нечистоты, неопрятности, что само собою указываетъ на заботливый уходъ за больными. Видъ раненыхъ чрезвычайно бодрый и здоровый, и даже тяжело раненые не подають никакого вида страданій. Фазли-паша очень внимательно и любезно относился ко многимъ изъ нихъ.

Между ранеными мы видѣли одного нашего офицера, капитана Украинскаго полка Колесникова, раненаго въ ногу, и двухъ нашихъ нижнихъ чиновъ. Наши раненые содержались въ госпиталѣ очень хорошо, и не только не жаловались но, напротивъ того, говорили, что отношеніе къ нимъ турокъ и уходъ за ними не оставляють ничего большого и желать. Вниманіе Фазли-паши къ нашимъ раненымъ достаточно высказывается уже тѣмъ, что, помѣстивъ ихъ въ госпиталь, онъ сейчасъ же предложилъ имъ отправить въ Россію ихъ письма и послалъ въ Украинскій полкъ, чтобы получить тамъ собственныя деньги и вещи упомянутаго капитана. Офицеръ этотъ лучшимъ образомъ отзывался о заботливости и вниманіи къ нему Фазли-паши.

Вернувшись домой, по окончаніи осмотра госпиталя, мы были приглашены Фазли-пашой къ завтраку. Послѣ завтрака, мы отправились сдѣлать визиты и остальнымъ пашамъ, начавъ съ Сели-паши; этотъ генераль, какъ было уже сказано, командуетъ дивизіей. Сели-паша человекъ очень умный, получившій образованіе за границей; онъ свободно говоритъ по французски; человекъ очень свѣ-

душіи, начитанный, весьма интересный, пріятный собесѣдникъ. Кромѣ того, этотъ боевой генералъ, находящійся уже въ продолженіи трехъ лѣтъ въ походѣ, обладаетъ, повидимому, немалыми воинскими дарованіями; на это указываетъ уже то, что онъ командуетъ дивизіею изъ четырехъ бригадъ (одна бригада, находясь въ Плевнѣ, была взята нами въ плѣнъ въ составѣ арміи Османа-пашы, такъ что въ Шумлѣ было только три бригады этой большой дивизіи). Къ тому же заключенію надо было придти на основаніи всѣхъ разговоровъ съ Сели-пашой. Все сказанное о Сели-Пашѣ можно тоже отнести и къ Гусени-пашѣ, начальнику штаба. Мустафа-паша принадлежитъ къ числу старыхъ турокъ; всѣ привычки его и обращеніе, хотя тоже любезное, носятъ совсѣмъ другой отпечатокъ. Небольшого роста, пожилой съ чрезвычайно суровымъ и мало привѣтливимъ выраженіемъ лица; всегда мрачный, несловоохотливый, онъ говорилъ съ нами все время черезъ переводчика, большею же частью молчалъ, и только передъ нашимъ отъѣздомъ оказалось, что онъ понимаетъ французскій языкъ и можетъ даже немного говорить.

Окончивъ визиты, мы вернулись къ Сели-пашѣ, который просилъ насъ въ этотъ день у него отобѣдать, такъ какъ Фазли-паша чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ.

Сели-паша, долго живя въ западной Европѣ, пріобрѣлъ много европейскихъ привычекъ. Обѣдъ его былъ сервированъ по европейски. Кромѣ того, онъ оказался большимъ любителемъ чая и угощалъ насъ хорошо приготовленнымъ чаемъ, что рѣдко можно встрѣтить въ Турціи.

Вечеръ, проведенный у Сели-паши, былъ весьма интересенъ. Разговоры, большею частью, касались настоящей войны, равно какъ политическаго положенія Турціи и подвластныхъ ей народовъ. При этомъ сужденія Сели-паши были въ высшей степени здравы и вполне безпристрастны. Въ его разговорахъ нельзя было не замѣтить большого уваженія къ противнику. Онъ говорилъ и о сербахъ, и о черногорцахъ, и, наконецъ, о нашихъ войскахъ. Что касается настоящей кампаніи, то Сели-паша передалъ намъ очень многіе интересные рассказы, относившіеся къ распоряженіямъ въ турецкой арміи, въ разные періоды кампаніи. Много говорилъ о главныхъ дѣятеляхъ въ турецкихъ войскахъ, рассказалъ много отдѣльных эпизодовъ изъ разныхъ дѣлъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Во всѣхъ рассказахъ Сели-паши сказывается весьма здравое сужденіе и, кромѣ того, достойная уваженія, скромность этого человека. Такъ, напримѣръ, говоря объ удачномъ для турокъ Еле-

нинскомъ дѣлѣ, въ которомъ Селип-паша, повидимому, стоялъ очень близко къ главному распорядителю, онъ проявилъ свою скромность, очень не охотно касаясь въ разговорѣ подробностей этого дѣла и упоминая о немъ лишь вскользь. Однимъ словомъ, бесѣда съ Селипашей была полна интереса. Нельзя было не обратить вниманія на то сочувствіе къ Россіи со стороны турокъ, которое проглядывало въ разговорахъ вообще всѣхъ пашей.

На другой день мы представились еще разъ Фазли-пашѣ и сдѣлавъ визиты остальнымъ, выѣхали изъ Шумлы въ часъ дня въ коляскѣ, которая подрядилась насъ отвезти обратно въ Базарджикъ. При выѣздѣ изъ крѣпости, намъ опять пришлось поднять верхъ коляски, что, къ сожалѣнію, помѣшало нашимъ наблюденіямъ.

Городъ Шумла лежитъ въ котловинѣ, которая охвачена съ трехъ сторонъ горами. Западный и южный скаты этихъ горъ чрезвычайно круто спускаются къ самому городу. Укрѣпленія, которыми, вѣроятно, увѣнчаны эти высоты, изъ города не видны. Къ востоку отъ Шумлы я могъ замѣтить четыре отдѣльныхъ укрѣпленія.

Одно изъ нихъ, повидимому, большое, — къ сѣверу отъ Шумлы. у Ени-Базарскаго шоссе, три остальныхъ къ югу отъ упомянутаго шоссе; изъ нихъ два на одной линіи, а третье вынесено впередъ и расположено противъ промежутка первыхъ двухъ. Это послѣднее лежитъ такъ близко отъ значительно командующихъ имъ высотъ, что можетъ быть съ большимъ успѣхомъ съ нихъ обстрѣливаемо. Величина этихъ трехъ фортовъ весьма незначительна. Затѣмъ, съ восточной стороны городъ открытъ и можетъ быть подвергнутъ бомбардированію. Это же средство должно оказаться дѣйствительнымъ въ виду того обстоятельства, что, какъ было уже сказано, городъ наполненъ народомъ. Стеченіе массы жителей, сбѣгающихъ со всѣхъ сторонъ въ Шумлу, составляетъ самую слабую сторону названной крѣпости.

Къ сожалѣнію, я ничего большаго не могъ замѣтить изъ закрытой коляски и усердно отвлекаемый разговоромъ сопровождавшаго насъ полковника Изеть-бея.

Во время посѣщенія Мустафы-паши, который живетъ въ центральной казармѣ, мы имѣли случай видѣть и самую казарму. Это громадное трехъ этажное зданіе, раздѣленное коридоромъ на двѣ половины. Въ среднемъ и верхнемъ этажахъ устроены помѣщенія для нижнихъ чиновъ и квартиры начальствующихъ лицъ, а въ нижнемъ — кухни, цейхгаузы, мастерскія и проч. хозяйственныя

заведенія. Комнаты всё безъ печей и въ холодное время отапливаются жаровнями (мангалы). Чистота и воздухъ въ казармахъ примѣрны. Болѣе же всего замѣчательно, что, не смотря на значительное число помѣщающихся въ казармѣ нижнихъ чиновъ, не слышно никакого шума, ни стука, хотя, кромѣ парадной лѣстницы, другихъ выходовъ изъ казармы не имѣется.

Войска, видѣнные нами въ Шумлѣ и встрѣчавшіяся по дорогѣ, одѣты весьма хорошо, хотя одежда поношена, что, впрочемъ, объясняется тѣмъ, что многія части войскъ уже третій годъ въ походѣ. Вооруженіе и снаряженіе пѣхоты весьма удовлетворительно; видъ людей бодрый и здоровый. По отношенію нижнихъ чиновъ къ начальствующимъ лицамъ и сихъ послѣднихъ между собой можно заключить, что дисциплина въ турецкихъ войскахъ соблюдается весьма строго.

Видѣнные нами кавалерійскія части далеко не въ такомъ порядкѣ, какъ пѣхотныя. Люди одѣты хуже, снаряженіе крайне разнообразно, точно также и вооруженіе. Лошади малорослы и много худшаго сорта, чѣмъ въ египетской кавалеріи.

Что касается состава офицеровъ въ турецкихъ войскахъ, то въ этомъ отношеніи ихъ армія много уступаетъ египетской. Между совершенно грубыми, не получившими никакого образованія турецкими офицерами, попадаетса много даже неграмотныхъ.

Во время обратнаго путешествія изъ Шумлы въ Базарджикъ, въ сопровожденіи турецкаго конвоя, мы имѣли случай на дѣлѣ замѣтить нѣкоторую преувеличенность газетныхъ толковъ о насиліяхъ, совершаемыхъ турецкими регулярными войсками надъ мирными жителями и въ особенности болгарами; такъ, на примѣръ, по прибытіи въ деревню Дѣвно, гдѣ необходимо было кормить лошадей, нашъ конвой болѣе часа не могъ добиться отъ жителей болгаръ отвода для насъ квартиры, и только заявленіе наше, какъ русскихъ офицеровъ, понудило болгаръ къ невольному гостепримству.

Высказанное нисколько, однако, не отрицаетъ факта совершавшихся мѣстами насилій, которыя производились до послѣдняго времени черкесами и башибузукками и доходили даже до такихъ размѣровъ, что военное управленіе въ Шумлѣ вынуждено было прибѣгнуть къ самымъ строгимъ мѣрамъ, для укрощенія этихъ дикарей. Въ день нашего пребыванія въ Шумлѣ, по приговору военного суда, были повѣшены четыре черкеса за грабежи и убійства, совершенныя въ Ески-Джумѣ. Вообще, въ Шумлѣ, также какъ и въ Варнѣ.



въ послѣднее время приступлено къ обезоруженію черкесовъ, съ которыми турецкія власти едва могутъ справиться.

Вернувшись изъ Шумлы, я былъ вторично посланъ въ Варну для какихъ то дополнительныхъ переговоровъ съ принцемъ Гасаномъ. На этотъ разъ я поѣхалъ одинъ. Приѣмъ состоялся такой-же, какъ и въ первый разъ.

Въ промежутокъ между всѣми этими поѣздками мы принимали у себя офицеровъ египетской арміи, которые пріѣзжали въ Базарджикъ нѣсколько разъ, причемъ на насъ, ѣздившихъ въ Варну, легли, конечно, всѣ хлопоты по ихъ приѣму.

11-го февраля намъ была сдана кр. Силистрія. Для переговоровъ туда былъ командированъ подполковникъ Шуруповъ.

17-го февраля я былъ командированъ въ Бухарестъ, къ генералъ-адъютанту Дрентельну; по пути мнѣ было дано порученіе въ Силистрію, занятую уже нашими войсками. Поѣздку въ Силистрію я совершилъ верхомъ съ нѣсколькими казаками. Путь былъ не малый, около 90 верстъ. Дорога была очень испорчена, такъ что, выѣхавъ рано утромъ, мы не успѣли къ вечеру доѣхать до Силистріи, и пришлось въ ночные часы сдѣлать большой привалъ въ сел. Буюкъ-Кайнарджи, рядомъ со знаменитымъ с. Кучюкъ-Кайнарджи, гдѣ фельдмаршаломъ Румянцевымъ былъ заключенъ мирный договоръ въ 1774 году, окончившій первую турецкую войну. Выкормивъ лошадей, мы съ разсвѣтомъ тронулись дальше и прибыли въ крѣпость рано утромъ. Въ попутныхъ селахъ турки съ восточнымъ гостепріимствомъ, радушно встрѣчали насъ, угощая традиціонной чашкой кофе.

Изъ Силистріи я поѣхалъ въ Бухарестъ уже въ экипажѣ, отправивъ казаковъ обратно.

Въ Бухарестѣ, сдѣлавъ нужный докладъ генералу Дрентельну, я былъ любезно приглашенъ имъ два раза къ обѣду и познакомился съ его семьей, жившей въ Бухарестѣ. Обѣдъ у него подавался чисто русскій, весьма сытный, что вполне соответствовало простой, солдатской натурѣ Александра Романовича, бывшего когда то грозой 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, про котораго въ ней и по сей-часъ, я думаю, осталось не мало живыхъ разсказовъ. Помню, за столомъ подавали кислые щи, солонину съ хрѣномъ, а на жаркое поросенка съ кашей.

Въ Бухарестѣ я пробылъ 5 дней, провелъ ихъ, конечно, самымъ лучшимъ образомъ, днемъ въ ресторанахъ, на городскомъ буль-

варѣ, вечеромъ—во французскомъ опереточномъ театрѣ М-ше Келлеръ, которую я зналъ еще въ Петербургѣ.

Въ Базарджикъ вернулся только 3-го марта, проѣхавъ черезъ Браиловъ.

Тѣмъ временемъ, 19-го февраля былъ уже подписанъ мирный договоръ.

Отрадное впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ насъ давно желанный миръ. Стали гадать о времени возможнаго возвращенія домой, не подозрѣвая, что по причинѣ политическихъ осложненій, вызванныхъ интригами западной Европы и преимущественно Англій, возвращенію этому не суждено было исполниться такъ скоро и что намъ доведется еще цѣлый годъ пробывать въ Турціи.

Въ Базарджикѣ жизнь наша сложилась какъ то не уютно, не устроено, хотя и были употреблены всѣ усилія къ тому, чтобы ее обставить возможно лучше.

*В. Тершельманъ.*

*(Окончаніе слѣдуетъ).*

---

**ПОПРАВКА.** Въ № 9 „Военнаго Сборника“, на стр. 59-й—12 строка сверху напечатано: „несмотря на то, что съ другой подогрѣвалъ огонь камня“. Слѣдовало напечатать: „несмотря на то, что съ одной стороны дуло въ окно, съ другой подогрѣвалъ огонь камня“.

